

п

л

а

н

а

р

и

я

山本文緒 プラナリア

ФУМИО ЯМАМОТО

ПЛАНАРИЯ

РАССКАЗЫ

Перевод с японского
Екатерины Тарасовой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Я64

Original Japanese edition published by Bungeishunju Ltd., in 2000.
Russian edition is published under the license granted by OMURA KOJI,
JAPAN arranged with BUNGEISHUNJU LTD., JAPAN through PETERS
FRASER AND DUNLOP LTD., UK and THE VAN LEAR AGENCY LLC

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Ямамото, Фумио.

Я64 Планария : рассказы / ЯМАМОТО ФУМИО; пер. с яп. Е. ТАРАСОВОЙ. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-17-177842-2

Мужа Като сократили, и она подрабатывает по ночам в супермаркете, чтобы содержать двоих взрослых детей. Харука пережила рак и хочет в следующей жизни стать планарией. У Идзуми была успешная карьера, но теперь она шьет игрушки и не хочет возвращаться на работу. Истории Фумио Ямамото разворачиваются на фоне японского “потерянного десятилетия”, времени хрупкой нестабильности. Ее героини отказываются плыть по течению и тихо бунтуют против навязанных ролей. Перед каждой стоит выбор между свободой и следованием правилам, между смирением и попыткой сохранить себя. Отмеченная в 2001 году премией Наоки, и теперь, четверть века спустя “Планария” оказывается созвучной читателю.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-177842-2

- © Planaria by Yamamoto Fumio
Copyright © 2000 Omura Koji
All rights reserved.
- © Е. Тарасова, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
Издательство CORPUS ®

Содержание

- 9 Планария
- 55 Обнаженные
- 105 Здесь, а не где-то еще
- 151 Во власти дилеммы
- 199 Завтра, в котором
есть любовь

Планария (Planaria) — общее наименование плоских червей длиной 20–30 миллиметров. Относятся к отряду трехветвистокишечных планарий. Обитают в том числе и в горных ручьях. Часто используются в экспериментальных исследованиях по воспроизведению. (Толковый словарь “Дайдзин”, 2-ое издание)

Планария

— В следующей жизни стану планарией, — сказала вдруг я. Мы болтали за выпивкой, и тут все присутствующие с интересом на меня посмотрели: трое коллег с моей прошлой подработки, а еще сидевший рядом бойфренд.

— Это что еще за планария?

— А, знаю. Такая милашка, похожая на ангелочка, которая плавает под айсбергами и покачивается.

— Это разве не клионе, морской ангел?

Я звякнула бокалом с бурбоном Four Roses, чтобы остановить разговоры.

— Нет-нет. По размеру они одинаковые, но планария живет не в океане, а в чистых горных ручьях.

— А-а, — хором сказали коллеги, две девушки и парнишка помладше. Бойфренд уже тысячи раз слышал от меня эту историю, поэтому он молча подъяедал закуски.

— Я недавно видела по телевизору. Они обитают под камнями в горных реках, в водных дорожках

рисовых полей, где не применяют пестициды. Такие коричневые, размером где-то сантиметр, похожи на пиявок. Головка у них треугольная, и видок — немного пошловатый.

— В смысле пошловатый? — И все захохотали. Я осушила бокал и попросила повторить. Мы пили уже где-то около трех часов. Девушки и бойфренд уже с алкоголя перешли на улун.

— А почему ты хочешь стать вот этой вот, а, Харука? — спросил двадцатилетний парнишка, единственный, кто продолжал пить. Я хотела ответить, но одна из девушек встряла в разговор:

— Мне кажется, я могу понять. Им достаточно покачиваться в чистой воде, можно вообще ни о чем не думать.

— Да ну. Гадость какая: то ли пиявка, то ли головка сами знаете чего. Я вот в следующей жизни хочу быть супермоделью.

— Ну и сравнила, головка... А еще девушка.

Разговор ушел в сторону. Я рассердилась и сказала нарочно громким голосом:

— Так вот, планария... Сколько ее ни режь, она не умрет.

Все с изумлением посмотрели на меня.

— Можно разрезать ее на три части, и они возьмут, оживут и превратятся в трех новых планарий. Да что там три, хоть на десять частей разрежь. Они, как хвосты ящерицы, быстренько вытянутся и превратятся в десятизерых.

От моего объяснения, до странности увлеченного и в то же время детского, все на мгновение потеряли дар речи. Нам принесли напитки, де-

вушки открыли меню, советуясь, что бы им съесть из сладкого.

— Это правда? — Вопросы теперь задавал только парнишка, а я вещала с пьяным энтузиазмом.

— Говорю же, правда. Даже у тех, у кого остался только кусочек хвоста, в конце концов вырастает головка, и они воскресают.

— Перестань, Харука, — тихо сказал бойфренд. В закуской было шумно, но, похоже, троица, сидевшая напротив нас, ничего не услышала.

— Планария — это членистоногое?

— А? Членистоногое — это что?

— Ну-у, типа гусеницы или червяка?

— Нет, она на пиявку похожа.

— Простейшее, что ли?

— Не знаю таких подробностей. Но, наверное, нет. Вроде если ничего с ней не делать, она вырастает и делится на две части. — Я наклонилась и заговорила еще громче. — Уж не знаю. Разве это не чертовски круто? Режешь ее, режешь, режешь, а она возрождается. Вот у меня, например, рак груди, да? И я думаю, классно же родиться такой планарией: отрежут тебе сиську, а она возьмет и вырастет, и не надо тратить ни времени, ни денег на пластические операции.

Думала, они посмеются, но парнишка только неловко улыбнулся; девушки, выбиравшие между молоком с тапиокой или клубничным шербетом, опустили глаза от отвращения.

— А не пора ли нам? — сказал бойфренд и встал, не дожидаясь ответа. У всех на лицах явно было написано чувство облегчения.

— Веди себя прилично, — возмущенно сказал Хёскэ, заводя двигатель. — Всем было неприятно. Что за дурацкая привычка у тебя, Рун-тян?

— А я тайны из этого не делаю. Все же знают.

— Я не об этом. Почему, когда все пьют и всем хорошо, ты начинаешь молотить какую-то ерунду. Как будто хочешь всем испортить настроение.

Вот оно что. То есть мой рак груди — это ерунда, получается. Ну-ну, подумала я, но ругаться с Хёскэ не стала.

— Давай ты не будешь больше говорить о своей болезни. Ты, Рун-тян, так всех друзей растеряешь. Я теперь беспокоюсь о нашей следующей вечеринке. Ведь на ней будут мои друзья. Не веди себя с ними так, как сегодня.

Рун-тян — это, ясное дело, я. Харука — Хару — Харурун — Рун — Рун-тян. Так и осталось. При чужих людях мы, в общем-то, называем друг друга по именам, а когда остаемся вдвоем, превращаемся в Рун-тян и Хиётти. Я, конечно, понимаю, что влюбленные наедине ведут себя как дети, но всякий раз, когда слышу “Рун-тян”, немного содрогаюсь.

— Что-то меня опять, кажется, подташнивает, — пробормотала я, как только он затормозил на светофоре.

— Ты слишком много выпила. Говоришь, что тебе плохо, а сама выпиваешь по несколько раз в неделю. Может, прекратишь пить и начнешь ходить в спортивный клуб? Тогда, наверное, и похудеешь хоть немного.

В закускойной он практически ничего не говорил, а стоило нам остаться наедине, как залился со-

ловьем. В присутствии других Хёскэ становился немногословен, потому что стеснялся, ну и потому еще, что учился всего лишь на третьем курсе университета. Несмотря на молодость, он обладал практической смекалкой и был куда благоразумнее, чем я, а на людях уважал меня — ведь я была старше его на четыре года.

— Рун-тян, зайдешь ко мне? — неожиданно сладко заговорил Хёскэ.

Сказала же тебе, что плохо себя чувствую. Домой меня вези, прямо домой.

Подумала я, но не смогла произнести вслух. Хиётти меня любит. Я, хотя и с трудом, не теряю самообладания именно поэтому. И если я лишусь опоры, то рухну, стану причинять еще больше неудобства чужим людям и своей семье и в конце концов взорвусь. Так и будет.

В позапрошлом году у меня отрезали правую грудь: рак. За месяц до моего двадцатичетырехлетия. Тогда это было как гром среди ясного неба. Сейчас же, оглядываясь назад, я считаю, что это не так. Двадцать три предыдущих года, в общем-то, ясными и не были. Я невезучая и, сдается мне, вечно сталкиваюсь с тем, чего мне больше всего не хотелось. Если уж не везет, так не везет во всем.

Но тогда, конечно, таких глубоких мыслей у меня не возникало. Я только и делала, что рыдала, находясь под самым сильным впечатлением в моей жизни. Врач сказал, что у меня четвертая стадия и операцию надо делать немедленно.

Во время первой операции мне удалили опухоль прямо под соском и жировые клетки вокруг нее, а в следующем году сделали пластическую операцию, используя кожу со спины. Звучит просто, но мне было невероятно тяжело и физически, и психологически. И пластическая операция вряд ли поможет моей груди стать точно такой, как раньше. Даже сейчас, полгода спустя, вокруг груди оставались здоровенные шрамы. На спине — свежий след размером в пятнадцать сантиметров, как будто от удара катаной. К тому же пластику сосков делают после того, как все придет в норму, так что сейчас у моей фальшивой груди нет соска. Раньше мне хотелось сделать его как можно скорее, но стоит подумать о том, что придется опять лечь под нож в больницу, подвергать себя наркозу, как хочется плюнуть на все и оставить как есть.

С Хёскэ мы познакомились незадолго до того, как у меня обнаружили рак. Я встречалась тогда с другим бойфрендом, постарше. Популярностью у мужчин я никогда не пользовалась, и опыт отношений с двумя одновременно был мне в диковинку. Я даже иногда думаю, что все и случилось из-за того, что я, совсем не красотка, встречалась сразу с двумя.

Хёскэ пришел в мою компанию на короткую подработку. Мы несколько раз ходили вместе выпивать с коллегами, понравились друг другу и подружились. А потом как-то раз напились и переспали.

Как подумая: вот если бы у меня обнаружили рак груди до того, как я стала спать с Хёскэ, — и меня наполняет чувство благодарности за то, что у меня осталось хоть немного везения. Ведь он сразу

поддался моему соблазну, да и не просто воспользовался им, чтобы только переспать со мной разок. Наверное, благодаря воспитанию.

Мой настоящий любовник сбежал, поджав хвост, как только услышал мой диагноз. Когда я в слезах рассказала ему об этом, он повторял: “Не волнуйся, я с тобой”, а на следующий день перестал подходить и к домашнему телефону, и к мобильнику. Я позвонила ему на работу, где незнакомый человек отчитал меня: “Он внезапно взял отпуск на неделю, и никому не сказал, что случилось”. Как будто я вообще имела к этому какое-либо отношение — или все-таки имела? А вот Хёскэ не сбежал. Он плакал вместе со мной и моими родственниками как член семьи; встречался со мной каждый день, несмотря на то что я бушевала и справиться со мной было невозможно, и терпеливо утешал меня. Когда я очнулась после операции, он наряду с моими родителями участливо заглядывал мне в лицо.

С тех пор Хёскэ постоянно находился рядом. Когда я, не самая стабильная эмоционально, ломалась и начинала шуметь, он, молодой парень, начинал орать в ответ: “Да, у тебя рак! И чо теперь?! Прекрати быстро!” Но все равно был со мной.

Мы остановились на стоиеновой парковке и, взявшись за руки, направились в квартиру Хёскэ. Его семья владела большой транспортной компанией, и дела у них, судя по всему, шли хорошо: от них Хёскэ, студент, получал достаточно денег, чтобы жить в одиночку и ни в чем себе не отказывая в просторной трехкомнатной квартире, в элитном доме, и без подработок.